

ва, которое неминуемо приводит к крайней форме тоталитаризма, буквально вытравливая из людей все человеческое, превращая их в механизмы из крови и плоти. Как было сказано выше, данные вопросы, пускай и не столь драматизированно, ранее он уже затрагивал в «Островитянах».

Говоря грубо, если проблему российского общества писатель видел в крайней и безудержной эмоциональности, то Запад (на примере тех же англичан) пугал его именно автоматизированным, доведенным до некоего религиозного культа отсутствием эмпатии.

То, что Англия (Запад) — это «механизированный ад», Евгений Замятин доносит и через свою пьесу «Блоха». В ней, как теперь кажется некоторым, он нелестно отзывается о русских (тогда уже советских) людях, что никак не помешало ее постановке в СССР.

Его продолжали печатать, а главным покровителем писателя стал (какая неожиданность) Иосиф Виссарионович, который поддерживал Евгения Замятина даже после того, как тот попросился в эмиграцию. Паспорт СССР он не сдал. Живя на чужбине, вернулся в Союз советских писателей и даже делал вид, что активно поддерживает борьбу трудящихся за свои права во Франции и заодно во всем мире.

Напрашивается простой вопрос: если советская власть была столь кровожадна и «выжигала» всякое инакомыслие каленым железом, почему Евгений Замятин не просто не был репрессирован, но и умудрился выстроить при ней неплохую (в том числе и политическую, несмотря на то, что в политике он якобы не участвовал) карьеру? Ну а то, что писатель наивно понимал социализм как-то по-своему, было, извините, его личной проблемой. Что он, собственно, и не отрицал.

Разумеется, Евгений Замятин не был советским писателем. События 1917 года стали для него скорее шансом ворваться в большую литературу (что было невозможно при реальной цензуре в царские времена), которым, несмотря на все проблемы, он все же воспользовался.

Возможно, Евгений Замятин и сам осознавал, что со сменой экономического базиса люди, которых он столь точно препарировал, мало изменились. Тем более персонажи из новой писательской элиты, в которую массово пошли ушлые приспособленцы. Внутривидовую борьбу им, как ему тогда казалось, он проиграл. После чего и решил уехать.

Евгений Замятин, как и его герои, слишком много рефлексировал. Задолго до революции писатель понимал (или просто остро чувствовал), что «так жить нельзя». Но какой должна быть новая жизнь, он не знал. Однако его ранняя проза является весьма точным зеркалом эпохи, в котором можно увидеть не только внешние, но и внутренние предпосылки грядущей революции.

РЕЦЕНЗИИ

НЕТИПИЧНЫЙ ИЕРОМОНАХ¹

Прежде чем писать о книге и ее авторе, мне хочется рассказать, почему мне нужно было непременно выписать «Монаха в карантине» из Москвы и непременно познакомиться с его содержанием.

¹ Иеромонах Иоанн Гуайта. Монах в карантине. 40 дней паломничества с короной. М.: Практика, 2021.

Дело в том, что на канале «Культура» в одном из выпусков любимых мною «Правил жизни» была страничка, посвященная Иоанну Гуайте. В разговоре с ведущим Алексеем Бегахом отец Иоанн (по-итальянски Джованни) немного рассказал о своей необычной судьбе. Меня заинтересовали не только необычность этой судьбы, но и пересечение некоторых ее линий с моими.

В самом деле, отец Иоанн родился в Италии (на Сардинии), где в 1990-х моя семья прожила семь лет, тесно общаясь с католическим священником доном Паоло и прихожанами его церкви, в которой все эти годы мы жили.

Наша chiesa, или церковь, была названа в честь святых бессребреников Козьмы и Дамиана, окружающие называли ее San Cozma, опуская имя второго брата из этой пары святых врачей.

Вернувшись из Италии, я узнала, что церковь с таким названием есть и в Москве, в Столешниковом переулке. Много раз проходила мимо, испытывая желание заглянуть внутрь. Но как-то не случилось. И вот теперь выясняется, что отец Иоанн служит именно в этой церкви.

Но это еще не все. В Италию я ехала со статьей Сергея Бычкова, вырезанной из газеты, о злодейском убийстве православного священника Александра Меня, чья гибель меня потрясла. Видела и слышала отца Александра всего один раз, в московском Молодежном музыкальном клубе, но встреча эта в душе отпечаталась. И вот оказалось, что отец Иоанн — ученик Александра Меня.

С юности я интересовалась культурой и искусством армян, писала диссертацию о древнеармянской поэзии: о Григоре Нарекаци, Наапече Кучаке, Саят-Нове... И оказалось, что отец Иоанн посвятил несколько сочинений беседам с католиком Гарегин-ом I, геноциду армян и поэзии Григора Нарекаци.

В общем, наверное, понятно, что получив книгу, я тут же начала ее читать.

И не разочаровалась.

А теперь хочу сказать о самой книге.

Она создавалась во время ковида, о чем говорит название. Но нужно пояснить: отец Иоанн и несколько его помощников, при всех предосторожностях, которые они неуказательно соблюдали, все же заболели. Форма болезни у священника, как я поняла, была тяжелой, все сорок «ковидных» дней (знаменательное число!) он находился в одиночестве в своей домашней «келье». В такое время для человека верующего совершенно естественно обращение к Богу, к молитве, к той поддержке, которую дает Евангелие и примеры святых и мучеников. В тяжелую минуту человек обращается к своим корням — родителям, воспоминаниям детства. И, как правило, он осмысливает свой путь — как все складывалось, кто пробудил его душу, кто стал опорой и ориентиром... Все это есть в книге Джованни Гуайты. Но есть и еще нечто дополнительное.

Как вы поняли, отец Иоанн итальянец, к православию он пришел не сразу. Все же основная религия на его родине — католицизм, и его родители — правоверные католики. Приходу к православию предшествовали годы учения в классическом итальянском лицее, в Женеве на филологическом факультете университета, в Богословском институте во Флоренции.

В самом начале перестройки Джованни приехал в Россию на стажировку. Сначала два месяца провел в Ленинграде, потом год стажировался в Институте русского языка им. Пушкина в Москве.

Дипломную работу он написал во ВГИКе — анализируя семь фильмов Андрея Тарковского, смысл которых, как он считает, один: это «евангельский рассказ о Страстях, смерти и Воскресении Спасителя». И я, представьте, полностью согласна с таким выводом.

Живя в Италии, я видела, какая огромная тяга существует у итальянцев к русской культуре. Ее можно сравнить разве что с притяжением ко всему итальянскому, испокон века существующему у россиян. Огромную роль в духовном становлении Джованни Гуайты, в обретении им православных ценностей сыграло знакомство с Александром Менем, ставшим для двадцатичетырехлетнего итальянца «лицом православия». Отцу Александру, его жизненному пути в книге посвящено несколько глав.

Думаю, что не все православные священники похожи на отца Александра, есть и такие, кому дорога, проложенная Менем, кажется ложной, кто не разделяет его открытости другим религиям, его экуменизма, его защиты человека перед лицом государства и власти, его свободного от догматизма взгляда на религию. Джованни Гуайта идет именно этим путем. И в истории православной церкви ищет тех, кто был бы близок этим взглядам, ищет, как я для себя обозначила, своих «духовных близнецов»... А они есть повсюду: в России, в Италии, в Армении, в разных частях мира и даже среди разных религий... Да, да, они необязательно православные.

Вот Энцо Бьянки, создатель монашеской общины в Бозе (Италия), в которую входят «мужчины и женщины разных национальностей и из разных Церквей». Как пример для подражания основатель и братия взяли для себя обычаи «древнего монашества». И цель у всех одна: жить по Евангелию. Такая же цель у другой итальянки — Кьяры Любич, экуменистки и матери движения «фоколяров»². Фоколяры живут монашеской жизнью, но в миру, среди обычных людей. И всюду, где они живут и работают, эти удивительные люди несут, по словам автора, «дух Христов».

Слышали ли вы об этих людях? Я — нет. Правда, моя старшая подруга, итальянка и переводчица Юлия Добровольская рассказывала мне об одной своей миланской ученице, преподавательнице университета, ставшей «монахиней в миру». Но поразительно, что, оказывается, и в России в XX веке был такой священник Алексей Мечев, который в условиях послереволюционного разгрома монастырей культивировал «монашество в миру». Теперь, когда, приезжая в Москву, я буду проходить мимо храма Святителя Николая на Маросейке, обязательно вспомню этого «маросейского батюшку», в 2000 году канонизированного Архиерейским собором. На том же соборе был причислен к лику «святomучеников» его сын Сергей Мечев. Вот еще одна трагическая и поразительная судьба! После смерти отца в 1923 году стал настоятелем храма на Маросейке, был сослан, сидел в тюрьме, после отбытия срока переезжал из города в город, по сути став священником «катакомбной церкви». В 1941 году снова был арестован, заключен в тюрьму и расстрелян по приговору военного трибунала за организацию «катакомбных церквей» и антисоветскую деятельность. Ему было 49 лет, место, где он погребен в общей могиле, неизвестно.

О сыне Алексея Мечева в книге Джованни Гуайты ничего не написано. Но таковы ее сила и эмоциональный напор, что поневоле начинаешь искать дополнительные сведения, связанные с ее «героями». Так, прочитав главы о Максиме Греке (Михаиле Триволисе), явном «духовном близнеце» автора, я тут же начала смотреть материалы о нем и об его итальянском «учителе», доминиканском монахе и настоятеле монастыря во Флоренции Джироламо Саванароле, чьи проповеди и чья казнь привели греческого юношу в тот же католический монастырь. Но так причудливо сложилась судьба этого юноши, что впоследствии он 10 лет был монахом на Афоне, а во второй половине жизни, посланный в Московию переводчиком ко двору Василия III, вел жизнь православного монаха в Чудовом монастыре. Был он, по словам автора, «беспредельно честен», — критиковал и обличал клириков и саму церковь. До казни не дошло, но судили его церковным судом многожды (обвиняли и в ереси, и в связях с Турцией — в лучших традициях сталинского НКВД). Однако Максим Грек выстоял, уже при Ива-

² Focolare — очаг (итал.).

не Грозном, хотя на Афон и не вернули (о чем просил), дали спокойно умереть в Троице-Сергиевом монастыре (точный год смерти неизвестен). А уже в 1988 году гуманист и «критикан» Максим Грек был церковью канонизирован.

Еще об одном россияnine, православном священнике, предшественнике автора книги на посту клирика церкви Козьмы и Дамиана в Москве, написано много и с глубоким почтением. Это Георгий Чистяков, ученик и продолжатель дела отца Александра Меня, человек энциклопедического образования, объединивший в себе дар ученого-интеллектуала, университетского профессора и проповедника-златоуста. Папа римский Иоанн Павел II называл его «Ежи», что ясно говорит об экуменических воззрениях отца Георгия — не были для него «врагами» представители других религиозных конфессий.

В связи с Георгием Чистяковым автор говорит об «особой духовной традиции» русского православия — *поворачиваться лицом к народу*. Прекрасно, что выделена именно эта традиция. Ведь есть и другие. Например, традиция быть опорой государства и защищать интересы власти и высших слоев, а не «податного» населения. Оправдывать беззаконие, войну и убийства, если они совершаются по воле правителя. Традиция коррупции и стяжательства. Традиция лицемерного ханжества и поддержки правил «Домостроя» в семье. Наконец, традиция ненависти к другим конфессиям и антисемитизма. К сожалению, именно они в последнее время преобладают и поддерживаются верховной властью.

Ничего похожего мы не встретим ни у тех «духовных учителей», о которых пишет автор, ни у него самого. Летом 2020-го, во время выборов в Московскую городскую думу и столкновений с Росгвардией и ОМОНОм москвичей, протестующих против недопуска независимых кандидатов, в церкви Святых бессребреников Козьмы и Дамиана укрывались участники протеста. Главка, в которой об этом рассказано, называется «На то мы и храм». И ведь правда, храм издревле считался местом, где преследуемый мог найти убежище. Тем более преследуемый за правду.

С 18 лет Джованни Гуайта ведет жизнь монаха, и это не мешает ему оставаться человеческой личностью, мужчиной, ценить женскую красоту. В своем личном кабинете он повесил две фотографии — президента России и Карлы Бруни. Карла, как пишет автор, нравится ему гораздо больше красавицы киноактрисы Моника Белуччи. Однажды, когда некий «религиозный начальник», к нему зашедший, выразил свое недовольство подбором портретов, один портрет был хозяином снят. Догадайтесь какой.

Нет, нетипичный иеромонах этот Джованни Гуайта. Больше всех в пастве ему дороги старики и дети. Стариков-прихожан он называет «мои любимые», рассказывает историю своей удивительной дружбы с пожилой слепой москвичкой, еврейской женщиной Дорой Прусс. Посвящает ей несколько главок своей книги. Прочитайте эту историю — трогает душу.

А дети... С ними отец Иоанн сталкивается и в хосписе, и в больницах, где крестит новорожденных, которых пытаются, но порой не могут спасти, и в своей церкви на детских литургиях. Наш итальянский друг священник дон Паоло очень любил вести с детьми уроки катехизиса. А еще дон Паоло часто во время воскресной мессы задавал детям вопросы по теме службы. И как же хорошо они отвечали, как радовали своими ответами всех: дон Паоло, родителей и родственников, остальных прихожан... Похоже, нечто подобное происходит и в московском приходе отца Иоанна. В книге приводится его «проповедь» во время детской литургии. Но по сути это разговор с детьми. Священник спрашивает, мальчики и девочки отвечают. Да как бойко! Разбирается кусочек из Евангелия от Матфея, посвященный Иоанну Крестителю. Кстати сказать, Джованни Гуайта был пострижен в православные монахи под именем Иоанна Предтечи. Священник спрашивает, что ел Иоанн. Мальчик Глеб отвечает, что тот питался

«всякими жуками». Учитель уточняет, что Иоанн в пустыне питался акридами, то есть саранчой, и диким медом. И рассказывает, что однажды был на Мадагаскаре, где едят саранчу, и там ее попробовал — и это «абсолютно невкусно», но в пустыне больше ничего не было³. Но и Глеб, который сказал, что Иоанн так питался в знак покаяния, тоже прав. И вот уже девочка формулирует, что такое покаяние: «Покаяние — это когда человек кается в каком-то грехе, он рассказывает о нем, и грех, как гиря, падает с него».

Читаю и думаю: если бы наши дети с ранних лет знали, что такое покаяние, может быть, история страны не была бы такой кровавой и не возвращалась бы регулярно к своей прежней траектории?

А вообще, книга «Монах в карантине» дает бесконечную пищу для ума. Прочитайте — и убедитесь.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ЕЛЕНА КРЮКОВА: СМЕРТЬ И ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Елена Крюкова в своем романе «Хоспис»⁴ продолжает начатое в ее прежних произведениях исследование бытия. По глубине постигнутого и разнообразию подходов она уже превзошла Достоевского.

Весь роман «Хоспис» — это четырехсотстраничная метафора *возвращения блудного сына*, где сын, сбежавший из дома еще ребенком, возвращается, будучи мужчиной в годах и смертельно больным. Но, как ни странно, об этой притче мы говорить не будем.

Есть разные точки зрения на то, что отличает человека от животного, но ближе всего к истине, на мой взгляд, та, которая считает, что человек означает бытие. С этим тезисом согласна и Библия: «В начале было Слово». Человек придумал слова: стол, стул, целовать, застолбив таким образом семантические координаты, вокруг которых он научился мыслить. Дальше — больше, он начал обозначать концепты, например декартовское деление человека на телесное и духовное. И при разделении подобным образом появилась возможность анализировать антропологическую эволюцию.

Елена обозначает целые семантические континенты-романы.

Если раньше живопись репрезентировала реальность, то в девятнадцатом веке поняли, что в живописи, как в языке, есть алфавит, и его можно изучать: кубизм Пикассо, супрематизм Малевича и т. д. Живопись раскладывали на атомы, на молекулы, на целые ткани. Как писал Кассирер, создатель понятия *символической формы*, если раньше атомом смысла было слово, то постепенно единицей смысла стало предложение. Крюкова превращает в единицу смысла целый роман. Если в русском языке 33 буквы, порядка пятисот тысяч слов, то сложно представить, сколько атомов-романов в нем содержится. И Елена ищет их и находит.

Елена вышла из-под чар действительности, фокусируя взгляд на конкретной семантической области и взламывая ее, как солнце весной взламывает лед на реке, запуская ледоход. Если Декарт разложил человека на душу и тело, то можно продолжить эту иерархию и разложить тело на ткани и скелет, наверняка можно продолжить такой ряд и с душой. Если обычный роман содержит в себе всего понемногу, то роман «Хоспис» — это непрерывное бряцание костями, которые, в свою очередь, являются символом смерти.

³ Можно вспомнить, что Николай Вавилов, великий биолог и путешественник, во время многомесячных экспедиций питался саранчой.

⁴ Елена Крюкова. Хоспис: Роман. Екатеринбург: Ридеро, 2019.